

Рабочий и умирающее время

К проблеме грусти, отчуждения и свободного времени в бытии
рабочего

Кофлер Лео

1958

Основное настроение уныния, пронизывающее жизнь рабочего, вызывают три взаимодействующих фактора:

- 1) среда, состоящая из рабочего места и его окрестностей, а также путей и средств сообщения (например, типичные рабочие электрички),
- 2) осознание рабочим своей социальной и человеческой неполноценности и
- 3) нахождение рабочего во власти доминирующего в его жизни явления — умирающего времени.

Чтобы понять этот феномен, необходимо прояснить два понятия: понятие труда и понятие времени (являющегося не просто физическим).

Широко распространённой ошибкой является мнение, что понятия «труд» и «работник» находятся в непосредственном взаимодействии друг с другом таким образом, что работник определяется фактом своего труда как такового и заметно отличается от других людей именно в силу этой характеристики — быть носителем труда. Истина скорее в том, что рабочий — это работающее существо, потому что он человек в общем смысле. Напротив, как работник в специфически социальном смысле, он является существом, отчуждённым от труда — точнее, от его первоначальной цели, как будет показано далее. Ибо в нём труд, в той мере, в какой мы понимаем его как изначальную, антропологическую сущность человеческого бытия, выражает себя именно как не-труд, т.е. как разложение изначальной особенности человека, как явление, которое его опустошает. Как это понять точнее?

Труд и игра

Человек, одарённый сознанием, способный в силу этого сознания ставить перед собой цели, к осуществлению которых он стремится, изменяя элементы реальности (объекты), предстаёт поэтому по самой своей природе как человек, как существо активное или работающее. В антропологическом «намерении» цель человеческой деятельности (равнозначной труду) — оказать «самореализующее» воздействие, то есть привести человеческие силы, таланты и дарования, а значит и самого человека, к гармоничному развитию. Такой труд называется творческим, и он проявляет тенденцию к творчеству везде, где сохраняет свой свободный характер, поскольку

ориентирован на самореализацию, а не служит целям, чуждым человеческой судьбе, «отчуждённым» от неё и обычно навязываемым в такой форме. В сфере такой свободной деятельности или труда она приобретает новое качество, поскольку совпадает с тем, что мы склонны называть игрой (от которой следует резко отличать бессмысленную игру, которая, кстати, тоже является формой труда). Поэтому вполне корректно говорить, что действительная антропологическая сущность человека представлена в игре; понятия деятельности, труда и игры достигают здесь полного тождества.

Хотя рабочий активен, потому что он человек, хотя он работает, но в отчуждённых условиях своего существования — а он является «рабочим» только там, где преобладает отчуждение (в не отчуждённых условиях он аннулирует себя как особый «рабочий»), — его труд прямо противоположен труду в первоначальном и собственном смысле, или, что означает то же самое, свободной игре. Рабочий — это личное воплощение отчуждения от игры, он её противоположность. Сущностное тождество человека и труда, которое мы продемонстрировали как сущностное тождество человека и игры, нарушается, потому что рабочий предстаёт в своём труде уже не как истинный человек, а как испорченный человек. Теперь мы понимаем, почему рабочий в большинстве случаев чувствует себя неуютно на работе и комфортно только вне её. К этому следует добавить, что в результате того, что работник сформирован своим отчуждённым трудом, досуг также, как правило, не является временем свободной творческой активности, хотя иногда даже сильные остатки такой активности можно наблюдать в никогда не умирающей защите от полного подчинения отчуждению.

Отчуждение, грусть, скука

Таким образом, концепция труда, с которой мы имеем дело сегодня, — это концепция отчуждения. Если мы хотим утверждать тесную связь между понятиями «труд» и «работник», то это возможно лишь постольку, поскольку такая связь существует между отчуждённым трудом и работником. Через неё сам рабочий предстаёт как подверженный отчуждению, несвободный, как страдающий под его бременем, как отверженный, сознание которого, соответственно, не может быть счастливым, а только несчастным, и основным настроением которого является тоска. Скука и тоска, говорит великий промышленный социолог Жорж Фридман («Будущее труда»), пронизывают рабочий день современного промышленного рабочего.

Как печаль возникает из отчуждённого действия, так скука — из отчуждённого времени. Начиная с Бергсона и Хайдеггера, мы вынуждены иметь дело с их интуитивистски и иррационально упрощённой и субъективистски раздутой концепцией времени. Но как бы мы ни понимали понятие времени, психологически или «философски», при ближайшем рассмотрении от него в конечном итоге не остаётся ничего, кроме субъективного опыта времени, то есть объективное время, протекающее по физическим стандартам, может по-разному переживаться разными людьми в зависимости от обстоятельств, при которых оно происходит. «Тайна» якобы иррационального времени сводится к этому психологическому факту. Но этот мистический иррационализм растворяется и становится рационально прозрачным, как только мы освобождаем время от абстракции, в которую его поместили метафизики, и возвращаем его в связь с теми конкретными факторами, без которых оно остаётся пустым фантомом, как время, а именно с тем, что в нем происходит, с его содержанием. Время, относящееся к труду современного рабочего, конечно же, должно быть

связано с деятельностью этого рабочего. Не время само по себе решает «загадку» своей сущности, а события, происходящие внутри него, в нашем случае — деятельность, которая его наполняет. Каким должно быть «чистое» время, становится ясно только в его отношении к тому, что совершается человеком внутри него. С антропологической точки зрения время есть не что иное, как проявление человеческой активности, без которой не может быть времени. (Даже «ничего неделание», таким образом, оказывается разновидностью деятельности).

Бегство в свободное время

Из сказанного теперь можно без труда заключить, что в соответствии с разработанными нами крайними возможностями активного бытия, а именно творческо-игровой и нетворческо-отчуждённой, время также принимает характер того или другого, предстаёт как исполненное творческое или как отчуждённое умирающее время и также переживается людьми как таковое.

На практике, однако, деятельность никогда не может протекать исключительно как одна или другая из этих крайностей, ибо не существует ни только творческой, ни только нетворческой деятельности. В любой деятельности, даже самой отчуждённой от предназначения человека, в любой голой игре, спонтанно проявляются черты творческого, как и, наоборот, в творческой деятельности присутствуют моменты нетворческого. Но именно это диалектическое напряжение между творческим и нетворческим во всей человеческой деятельности (которое, кстати, отражает антропологическую позицию человека, «открытого» во всех направлениях — вопреки как вульгарно-оптимистическому, так и нигилистическому взгляду на человека) заставляет человека испытывать ту неутомимость, которая представляет собой своего рода борьбу с мёртвым и за живое в его труде.

Поэтому даже когда работники максимально привыкли к отчуждённому трудовому процессу, они продолжают в той или иной степени осознавать своё человеческое положение. Это также во многом объясняет, почему, согласно французскому исследованию, не только 73% неквалифицированных работников, но даже 78% работников средней квалификации и 59% высококвалифицированных работников с хорошей зарплатой хотят оставить свою профессию. Проблема заработной платы, конечно, может быть фактором, толкающим работников к уходу из профессии, но те, кто смотрит глубже, знают, что не меньший эффект оказывает и неудовлетворённость, характеризующаяся скукой и тоской. Это состояние порождает известное стремление рабочего как можно быстрее закончить работу или требование законного сокращения рабочего дня. Рабочий обычно переживает рабочее время как бессмысленное для него время, как время умирания, в котором его собственная жизнь остаётся частично нереализованной и угасает. Отчуждённый, нечеловеческий труд ни в чем не выражается так ярко, как в предсмертном времени. Однако значение ухода жизни рабочего в предсмертное время становится ещё более понятным, если осознать, что именно своему занятию рабочий посвящает самую важную часть своей жизни, потому что в нем сосредоточена лучшая часть его сил. В общем трагизме социального и человеческого положения рабочего это существенный момент. Даже постоянное бегство в свободное время мало помогает ему, потому что и после рабочего дня он остаётся тем, кем он стал в нем: капиталистически отчуждённым и человечески угнетённым существом. Вот почему и сокращение рабочего дня, которого они так от-

чаянно желают, не может избавить их от страданий. Помочь может только коренное изменение социальных условий жизни.

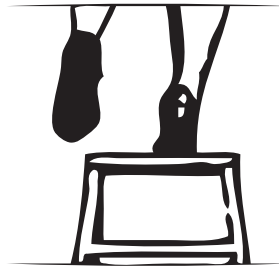
Ратенау и Маркс

Вальтер Ратенау уже осознавал проблему умирающего века (цитируем по лекции Каснариха-Шмида, «Recklinghausener Gespräche des DGB» от 1957 г., в которой, кстати, тоже было сказано немало реакционной чепухи):

«Каждый, кто на собственном опыте испытал механический труд... ужас, когда прошедшая вечность при взгляде на часы оказывается промежутком в десять минут, кто отмеряет смерть дня по звонку, кто убивает час за часом своей жизни с единственным желанием, чтобы она умерла быстрее, признает, что сокращение рабочего времени, независимо от того, что займёт его место, означает цель в жизни для механического рабочего».

Ратенау блестяще описал факты, но не смог дать достаточного объяснения. Сегодня мы знаем, не в последнюю очередь благодаря публикации ранних трудов Карла Маркса и привычному избеганию прочтения соответствующих пассажей в поздних работах Маркса, особенно в «Капитале», что без глубоких социологических и антропологических вспомогательных средств нам не обойтись.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Кофлер Лео
Рабочий и умирающее время
К проблеме грусти, отчуждения и свободного времени в бытии рабочего
1958

Скопировано 26.04.2025 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=3552>
Перевод с немецкого. Опубликовано в газете «Die Andere Zeitung», 20.3.1958
http://www.leo-kofler.de/?page_id=838

ru.anarchistlibraries.net